

Ура и искусство

Гастроли Государственного ордена Ленина
Бурятского театра оперы и балета

ДВОЕ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Хабаровские театралы, вероятно, заметили заслуженных артистов Бурятии Саяна Раднаева и Владимира Буруева, певцов одаренных, самообытных, которым принадлежит исполнение многих ведущих баритопальных партий. Мужественно-непреклонный, тонко чувствующий князь Игорь, пылкий, страстный вождь искателей жемчугов Зурга, веселый, бесшабашный тореадор Эскамильо в «Кармен» — работы Раднаева. Остроумный, находчивый весельчак Фигаро из «Севильского цирюльника», любящий брат Маргариты и смелый воин Валентин из «Фауста», мучительно ищущий, полный эмоциональных контрастов Онегин — такими представляет нам своих героев Буруев. Многие в их творчестве схоже, но в то же время, если взглянуть пристальнее — найдешь и различие. Раднаев, верно используя амплитуду своего голоса, стремится больше подчеркнуть в создаваемых характерах драматизм состояния, взрывчатость проявлений, эффективность порывов. Буруев же, напротив, выявляет в сценическом образе лиризм, заостряет внимание на настроении, его переходы от одного душевного состояния к другому чувственно мягки, плавны, эластичны.

При всем разнообразии, разнохарактерности партий, имеющих в арсенале певцов, при их еще очевидной молодости — уже сейчас явно проступает творческая индивидуальность каждого, своя манера, вокальные краски.

У каждого артиста есть своя примечательная творческая веха: покорение трудной роли, долгожданное признание публики. Для молодых певцов памятным остается поездка в Москву в позапрошлом году. Событие, конечно же, было знаменательное, оно воспринималось, как важная ступень творческого возмужания — Союз композиторов России пригласил в Москву певцов и музыкантов театра на вечера бурятской камерной музыки. Среди солистов были Саян и Владимир. Для них это была вообще вторая в жизни столь значимая поездка. А тут — концертный зал Союза композиторов! Слушатели — самые

авторитетные знатоки. Композиторы Хренников, Свиридов, Фере... Певческие звезды Большого театра: Лисицкий, Кривченя, Атлантов. Их наставник Л. Л. Линховоин вспоминает то время:

— Помню, когда ребята запели дуэтом нашу национальную «Селенгу». Свиридов спросил: «Какую консерваторию кончали эти молодые люди?» Очень был удивлен, узнав, что у ребят за плечами лишь музыкальное училище. Наши, говорю, доморощенные... «Вы, подумайте! — воскликнул композитор. — Да у вас надежный резерв. Смотри, какие красивые баритоны. Тут и хорошая постановка голоса, и тембр, и культура исполнения...» Кривченя, слышавший наш разговор, добавил: «Верно, верно. Резерв певческий у вас в театре завидный». И, улыбувшись, пошутил: «Город-то вам вернее бы называть Милан-Удэ, а не Улан-Удэ».

Лхасаран Лодонович понял, что знаменитости, может быть, несколько преувеличивали достижения его учеников: ребятам предстояла еще кропотливая, напряженная работа, чтобы подняться до такой похвалы. Они еще становились, но не стали подлинными мастерами вокала. И все-таки радовался: вот и эти двое, еще недавно безвестные улусные парни из чабанской долины Курумкана, обрели признание... Припомнил известный певец и опытный педагог, как десаток лет назад пришли к нему на пробу два неуклюжих, угловатых паренка.

— Ну, учиться музыке надумали? — с интересом рассматривая сухопарого Саяна, спросил Линховоин.

— Не я. — поправился Раднаев. — Это вот друг мой... Володька. На певца поступить хочет. Я-то уже поступил в сельхозинститут — вчера пос-

ледний экзамен сдал. А у Володи здоровье неважное, ему у артисты надо...

Лхасарану Лодоновичу стало весело от столь категоричного заявления, он широко рассмеялся: чем-то приглянулся паренки ему. «Значит, по состоянию здоровья — в артисты. Интересно! Ну что ж, давайте попробуем».

— Вокальные данные, конечно, у них еле-еле просматривались, — вспоминает Линховоин. — У Буруева не было дыхания. Саян (я за одно и его послушал) типично сопрановому, горлом, стараясь под Козловского, запел «Вдоль по улице метелица метет». Но что-то в них заинтересовало меня. Внешние данные, может быть... Оба рослые, уже тогда намечилась будущая стройность, в голосах что-то нашлось. Рискнул, взял к себе в класс. А год через два увидел, что не ошибся...

Вот так, два деревенских паренка из одного маленького улуса Барагхана начинали путь к богатырской музыке А. П. Бородина, к великой оперной классике Чайковского...

Труд оперного певца — это крутое, ежедневное восхождение к вершине. До седьмого пота сольфеджин, ежеминутное вхождение в образы — это труд, труд. Без передышки. «Солист оперы, — учит своих молодых питомцев народный артист Советского Союза Л. Линховоин, — должен содержать свой голос в постоянной «боевой» готовности. А такое достигается только трудом».

— Нам повезло, что мы с Саяном попали к Лхасарану Лодоновичу, — рассказывает Владимир. — Он нас открыл, выпестовал... Да и сейчас. Вот захандришь, вроде бы вышел из формы, к нему: «Лхаса Лодонович, не могу, сегодня

петь». Подойдет к роялю, возьмет аккорд: «Ну-ка, дай вот это». Споешь, а он пробасит весело: «Ого-го-го! Да ты силен, как лев!» И, ободренный, тут же почувствуешь прилив вдохновения. Известный певец, с нами он, как старший товарищ. С ним легко по-человечески. Порой кажется, что он больше печется о нас, чем о себе. Что-то не ладится. Подойдет, скажет: «Давай-ка вот это место пошлифую». Когда с ним на сцене, чувствуешь, что все пройдет по плану. Он никогда не давит тебя мощью своего таланта, а как бы дает дорогу больше проявиться тебе... Наверное, в том, чего мы с Саяном достигли на сцене, — заслуга главным образом Лхасы Лодоновича...

Творческий поиск певца — это систематическое расширение своего репертуара. Не по указанию художественного совета — по собственной потребности, для утоления творческой жажды собственной души.

Уже здесь, в Хабаровске, произошел случай, подтвердивший, что успех и признание не ослепляли артистов, они лишь устроили силы для дальнейшей работы... В тот вечер Владимир, был свободен от спектакля, позволил себе немного расслабиться. На сцене шла «Русалка». Уже отыгранные были первые картины, как неожиданно с одной из певцов случилась беда: она заболела. Однако все-таки решила отпеть партию, но болезнь осложнилась, пропал голос. Что делать? Самые трудные минуты театра. Дали занавес. Чем заменить спектакль? И тут кто-то надоумил — «Се-

вильским цирюльником». А кто — Фигаро?

— Буруев! Он, по-моему, готовил эту партию...

Через сорок минут «Севильский цирюльник» уже совершал свои веселые действия на сцене. Буруев спел свою партию, что называется, на одном дыхании. Благодарные зрители тепло награждали искристого проказника Фигаро-Буруева аплодисментами.

Я спросил Владимира о самой трудной его партии. Он ответил:

— Конечно, Онегин. Дело тут не в вокальной сложности, хотя и этот фактор тоже главный. Трудность в том, что мне, буряту, надо дать такого Онегина, чтобы зритель не почувствовал национальной разницы между мной и Евгением, надо петь и играть так, чтобы получился истинно русский Онегин. Первый спектакль вроде бы прошел неплохо... Но само-то я чувствую, что не довел образ еще до «кондиции».

— А мне неизменно сложно, — вставляет Саян, — с Игорем. Спектакль у нас в театре живет давно. Игори были разные. Владимир Манжетов, к примеру, трактовал Игоря, как человека волевого, храброго, решительного, лишь волей обстоятельств оказавшегося в трудном положении. У Белова же (три года назад хабаровчане его Игоря видели) — это был инстинктивный богатырь. Мне же хотелось увидеть в Игоре что-то свое. Я подумал: князь — не только горячий патриот родины, неподкупный воин, но и любящий муж, заботливый отец. Короче говоря, наделить бы

Игоря такими чертами, чтобы он предстал перед зрителем не как былинный богатырь, сошедший со сказочной картинки, а просто человек, со всеми страданиями, переживаниями, горестями, радостями. Что все заботы Игоревы, все его печали стали бы близки, понятны нам, что душевное состояние моего князя — оно не чуждо и нам — вот чего мне хочется достичь в Игоре...

Заслуженная артистка Российской Федерации Вера Дашневна Лыгденова шутит по поводу друзей:

— Они — одной судьбы! Из одного улуса. Друзья с детства. В одно время стали артистами. Враз женились. Им и звание заслуженных присвоили одновременно.

...Думали ли две соседки из далекого улуса Барагхана, снаряжая сыновей в город, о том, что понесут два степных орла на крыльях таланта радость большого искусства. А двое одноулусников, вспоенные свежими байкальскими ветрами, обогреты вниманием умного педагога, от горланной бурятской песни возносятся от высоты к высоте к вокальным вершинам классической музыки. Подъем этот нелегок. Но, судя по скромности, по их неустанным творческим поискам, — Раднаев и Буруев на верном пути.

Ю. ИГУМНОВ,
слушатель Хабаровской
высшей партийной школы.

На снимках: Евгений Онегин — засл. арт. Бур. АССР В. Буруев, князь Игорь — засл. арт. Бур. АССР С. Раднаев.
Фото Н. Шкулина.